

Алексей Бородкин

Маленький бриллиант

и большое преступление

Алексей Петрович Бородкин

Маленький бриллиант и большое преступление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27340284

SelfPub; 2017

Аннотация

Начало XX века, Старый свет. Чопорные дамы, галантные кавалеры. Шерлок Холмс и доктор Ватсон ведут спокойную, размеренную жизнь... Вернее, пытаются вести: энергичный характер великого сыщика не даёт покоя ни днём, ни ночью. Совершено преступление. На кону честь девушки. А также обнаружен бриллиант на спине сэра Пикока. Исходные данные самые противоречивые, но это не мешает выйти на след... Море юмора, позитива и хорошего настроения. Финал непредсказуем, как и все обстоятельства этого расследования.

Утро началось обычным манером. (Я вижу события тех дней так же явственно, как страничку "Таймс" перед собой.) Я чистил зубы... кажется. Нет-нет, совершенно точно: я чистил зубы. Ветошкой.

Для настоящего детектива, зубы такое же оружие, как револьвер или клинок – я верю в это свято, – и потому предпочитаю чистить зубы ветошкой. Только этот способ гарантирует зеркальную чистоту резцам. Уверяю вас.

Добившись должного блеска, я втолкнул челюсть в рот, и в тот же миг в голове возникла хмурая мысль, более похожая на пророчество: "Не нужно сегодня ездить! Ничего хорошего из этого не выйдет!" Сия мысль прозвучала так явственно, что я без спору принял её на веру (не в моих привычках спорить с собственными мыслями). Моментально принял, а приняв, согласился не выходить из дому целый день, дабы лишиться себя соблазна. И физической возможности.

Я переоделся (домашний пиджак взамен пижамы), забрал на крыльце газеты ("Таймс", "Лондан гзет", "Дэйли мэйл" и прочую ерунду... точно не скажу какую). Затем позавтракал (тосты с ветчиной и сыром, и два яйца пашотом – дань мои далёким французским родственникам – печеная луковица с корицей и половинка редиски – для душевной бодрости), за завтраком прочёл заметку об одном любителе голубей, которому заводчик отрезал ухо ("Дикие люди! – подумал. – Какими распушенными стали манеры лондонцев!"). После завтрака я переоделся. На сей раз в выходной полоса-

тый костюм (чистая шерсть, маленькое пятнышко на лацкане, в петлице – бутонарька).

Привожу эти подробности, чтобы уверить вас в своём добром здравии и твёрдости памяти, чтобы вы не подумали, что я сошел с ума (или сбрендил), ибо все последующие события будут невольно подталкивать вас к подобным мыслям.

Выходной костюм я пошил незадолго до описываемых событий. Портной прекрасно подогнал его по фигуре (моей), коричневые ботинки тоже неплохо подходили (ко мне)... Я выбрал пару и надел.

И что вы думаете?

В следующий осознанный миг, я обнаруживаю себя на пути к дому Холмса! Светит солнышко, дует ветерок, я поднимаю шляпу, здороваюсь со знакомцами, словом веду себя как самый заурядный лондонский пешеход. Однако не это главное: своим здоровым старческим аллюром я отмахал уже половину пути.

"Чтоб тебя!" – мысленно выразил своё негодование.

Несколько снизив темп, я задумался, стоит ли повернуть назад? Сделал физкультурно-оздоровительный кружок по улицам родного города и вернулся, размявшись.

"Плохая примета, – подумал я. – К тому же, её можно воспринять, как добрый знак. Эту мою рассеянность..."

Минуту-другую я мусолил произошедшее обстоятельство: возвращаться примета плохая, а выйти из дому по многолетней привычке – хорошая.

"Значит можно идти?"

Честно сказать, приметы не мой конёк, я слабо в них разбираюсь, а потому (признавшись в этом своём недостатке) я вновь нарастил скорость до крейсерской, и продолжил движение в прежнем направлении.

До Крейн-авеню оставалось значительно меньше, чем до моей скромной квартиры.

Дверь дома номер 21 отворила миссис Даунстайр.

– Приятное сегодня утро, мистер Ватсон! – молвила старушка. – Как вы находите?

– Нахожу, что многих вещей сегодня я не нахожу! – пробурчал я в ответ (все эти размышления о приметах испортили мне настроение). – И прежде всего, я не нахожу повода быть сегодня здесь. Какого чёрта я припёрся? А?

К счастью, глуховатая старушка не разобрала моего не очень-то любезного приветствия.

– Что вы там бормочите, дорогой доктор? – спросила она и подняла ладонь таким жестом, каким римский актёр Квинт Росций приветствовал зрителей. – Посмотрите на небо... вы это видите?

– Что именно? Как ваша соседка моет окна? Рисковая дама!

– Соседка значительно ниже! – обиделась миссис Даунстайр. – Задерите голову выше, если она у вас ещё способна на это! Там вы увидите замечательные облака, ослепительное

солнце и синеву... обратите внимание на эту лондонскую синеву! Видите, какой у неё сегодня необычный серьёзный оттенок? Или вы утратили способность замечать прекрасное?

Я собирался внятно обозначить, где я видел эту синеву, и в каких тапочках, но не успел этого сделать (и, слава Богу). С лестницы, с верхнего этажа раздался голос Холмса:

– Не кормите соловья баснями! – голос Холмса в то утро скрипел, как несмазанная телега. – Это плохо отражается на их умственных способностях. А вы, дорогой Ватсон, поднимайтесь моментально наверх. Вы заставили меня ждать лишних... – сыщик поднял руку и посмотрел на часы, – семь с половиной минут!

"Как вам это нравится? – Я весь кипел, когда вешал шляпу и устанавливал трость в подставку. – Я заставил его ждать! Каким это, интересно знать, образом, если я вообще не собирался сегодня приходить! Я был категорически против этого похода! И если бы ноги меня не принесли..."

Я вошел в комнату Холмса. В прежние годы она напоминала сарай, теперь всё значительно изменилось. Теперь она напоминала сарай, в который попала авиабомба.

– Посмотрите на моё изобретение, Ватсон! – Холмс сидел, скрывая ликование, однако оно проступало сквозь "декорации и грим". – Я потратил на него целых три месяца, и кучу денег. Это прорыв! Бомба!

"Неужели он научился читать мысли? – перепугался я. – Придётся всё отрицать".

Поперёк комнаты разместился медный раструб чудовищных размеров.

Первым у меня родилось предположение, что Холмс изменил своей любимой скрипке с красавцем-геликоном.

"Бедная миссис Даунстайр! – печально покачал головой. – Бедный Ричмонд! Они этого не перенесут! Такой мощностью можно сшибать людей с ног! Это оружие массового поражения!"

Затем, присмотревшись внимательнее, я заметил некоторые конструктивные изменения на этом циклопическом "орудии пыток". На медном теле геликона отсутствовали какие-либо клавиши (начисто), изгиб трубы был изменён и стал противоестественен – в кольце инструмента совсем не осталось места для исполнителя. И последнее: тонкий закрученный конец не оканчивался мундштуком. Вернее сказать, мундштук присутствовал, но очень необычной формы: тонкий, вытянутый с бархатистыми чёрными "губками" на самом пике.

"Такой мундштук удобнее вставлять в ухо, – подумал я. – Нежели пихать в рот. И потом, нельзя ожидать от Холмса такого садизма по отношению к соседям. Он милый, добрый старикан..."

Я перемещал взгляд с великого сыщика на трубу и обратно. Решил, что "милый" – это, всё же перебор. "Просто добрый".

Геликон поблёскивал на солнышке и "дулом" своим це-

лился прямо в окно.

"Ричмонд тишайший район Лондона. Он не выдержит таких концертов!"

– Как вам моя птичка, Ватсон? Не лишена изящества, согласитесь!

Я ответил, что она весьма оригинальна в своём гигантизме: "Как, например, дубина неандертальца!" И посоветовал набирать слушателей из отставных молотобойцев:

– Среди этих ребят вы легко найдёте необходимое количество добровольцев. Они глухи как пробки. Подходящая аудитория для этого голиафа.

Холмс расхохотался. Смеялся долго (мне показалось, что кто-то колотит в треснувший кувшин деревянным половником), наконец, великий сыщик любовно погладил трубу и попросил его не разочаровывать:

– Дрогой коллега, вы поняли всё с точностью до наоборот! Этот прибор не для того чтобы извлекать звуки. Он предназначен слушать! – Сыщик поднял вверх палец, подчёркивая значимость сказанного. – Я назвал его Сэм!

– Сэм? – переспросил я. – Не похож он на Сэма. Скорее Альберт. Или Грюндер. Не хотите назвать его Грюндером? Это поэтично.

– Прекратите острить, Ватсон. Сэм – это сокращение.

– Что именно вы сократили? Клавиши?

– Самоходная Эхолокаторная Машина. Сокращённо – Сэм.

Я попросил Холмса выразиться простыми английскими словами. Опуская сокращения и умствования. Сыщик ответил, что этот прибор – эхолот.

– Но, позвольте, Холмс! – воскликнул я. – Из нас двоих я более близок к военному делу, и уверяю, что эхолот давно изобретен. Да-да! И действует он по совершенно иному принципу. Когда посланная звуковая волна отражается от препятствия, она возвращается в виде эха...

Холмс замахал руками, как ветряная мельница, и, перебивая меня, заявил, что эти интимные подробности ему давно известны. Старческое нетерпение помешало Холмсу дослушать, а мне договорить.

– Это – эхолот и точка! Преступники издают звуки, звуки летят по воздуху, отражаются от стен, зданий... от чего угодно, хоть от вас, мой дорогой Ватсон. Мой эхолот их фиксирует. Теперь понимаете? Без эха здесь не обошлось, а потому прекратите спорить!

Спорить я прекратил, вместо этого пристально осмотрел устройство (как доктор осматривает больного).

Комментарий Холмса, что это огромный слуховой аппарат разбудил моё любопытство. Я дунул в мундштук (геликон отреагировал глухим басом), заглянул в раструб (ничего интересного не увидел).

Холмс ёрзал. Ему не терпелось опробовать установку "в бою". Спросил, почему я хожу вокруг да около?

– Словно покупатель вокруг молоденькой тёлки! – В го-

лосе звучало раздражение. – Давайте уже слушать! Не испытывайте моё терпение!

Он усадил меня перед прибором, накинул на мою голову ременную упряжь, напоминающую лошадиную (только уменьшенную в размерах). Подбородок зафиксировал металлической чашкой на тонких пружинящих ремешках.

– Зачем это? – прошамкал я, не имея возможности разжать челюсти.

– Чтобы уменьшить звуковые помехи! – ответил Холмс.

Мне стало страшно, вспомнился Франкенштейн (это недавнее кошмарное "изобретение" Мери Шелли), я поделился своими опасениями с Холмсом: "Да минует меня чаша сия! Отпустите на свободу!"

– Что за девичья робость? – бесцеремонно успокоил Холмс. – Вы боитесь за свою честь? – Глаза сыщика прищурились, превратившись в щёлочки. – Или воспитание не позволяет вам подслушивать частных разговоров?

Я задумался, что из вышеперечисленного меня беспокоит сильнее всего, однако ответить не пришлось: Холмс развернул мою голову боком, крутанул какую-то рукоять под стулом (о назначении этого поступка я не имею ни малейшего представления) и всунул мне в ухо мундштук.

– Прислушивайтесь! – сказал таким тоном, каким дирижер велит оркестру взять первые ноты.

Первое мгновение меня неприятно нервировал холод мундштука, посему я внутренне напрягся, акцентируя своё

восприятие на этом досадном моменте. Потом... потом окружающий мир полетел кувырком.

Волею могучего волшебника я будто бы оказался в оперном театре непосредственно перед постановкой. Занавес был раздвинут, жизнь на сцене кипела, притом жизнь не парадная (премьерная), а самая настоящая живая: рабочие поправляли декорации, режиссёр волновался и "накладывал последние штрихи" – репетировал с актрисой и статистом. Позади актёры уронили колонну, кто-то вскрикнул и выразился нецензурно. Чуть впереди и внизу, в оркестровой яме, музыканты настраивали инструменты, один из них икнул – я слышал это отчётливо.

Мир расширился с каждой минутой. Театр уже не был театром, он превратился во вселенную. Где-то сбоку перешептывались молоденькие дамочки. Поддатый джентльмен на повышенных тонах испрашивал разрешения проникнуть в буфет, по мостовой цокали копыта, кричал газетчики... и... всё это многообразие звуков шевелилось, булькало и проникало в меня.

Я заслушался, поражённый яркостью звукового пейзажа. Метафора с театром (удобная в начале) теперь исчезла за ненадобностью. Я понимал, что слушаю Ричмонд – наш живой Ричмонд, и это было... восхитительно! Слеза умиления прокатилась по моей щеке. Хотелось воскликнуть: "Я люблю вас, люди! Я вас слышу!"

Внезапно, протяжно-булькающий рык привлёк моё внимание. Я невольно напрягся и вслушался всем своим существом.

Этот неприятный всхрап родился где-то на востоке, в самых дальних глубинах Лондона. Поначалу тихий он сразу показался мне опасным.

Набирая мощь лавины, звук устремился на нас. Он мчался по улицам, свирепел, сметая прохожих и взламывая мостовую. Хладнокровие британца мне изменило – я узнал этот звук. Вскочив на ноги, я сорвал с голову "сбрую" и завопил:

– Беда! Холмс, большая беда! Надо спасаться немедленно! Рухнули дамбы! Восточное предместье уже затоплено! Беда! – Холмс опешил, стоял, как соляной столб, пораженный моей вестью. – Ричмонд смоем через пару минут! Холмс! Надо бежать!

Я схватил его за руку и ринулся в дверной проём. Сыщик с трудом удержал меня.

Он переминался с ноги на ногу и прятал глаза, как нашкодивший мальчишка.

– Да что с вами! – кричал я. – Промедление смерти подобно!

– Гм-м-м... – в ответ мычал Холмс, не выпуская мою руку из своих клешней (я заподозрил его в помешательстве). – Я... тоже... несколько раз...

– Что вы бормочите?

На мой рёв откликнулась миссис Даунстайр, она подня-

лась по лестнице, постучала в дверь и спросила всё ли в порядке: "Мне показалось, здесь режут кабанчика, мистер Холмс. Надеюсь, доктор Ватсон не пострадал?"

– Нет! – решительно ответил Холмс, чем успокоил старушку. – Все живы... кабанчик тоже.

– Сядьте! – этот приказ адресовался мне. – Я вам немедленно объясню. Я тоже сталкивался с подобным эффектом несколько раз, – заявил Холмс. – Мы слушаем одним ухом и этот конструктивный недостаток не позволяют...

– Какой недостаток? – продолжал волноваться я.

В молодости, в Индии со мной произошла неприятность. Я едва не утонул. Был сезон дождей, река вышла из берегов и напоминала бурный неистовый поток (тот самый, который я слышал минуту назад). Я случайно упал в воду (так сложились обстоятельства) и понял, что спастись у меня нет шансов... Почти нет. Минут тридцать меня крутило, вращало, швыряло из стороны в стороны и било о камни, прежде чем я сумел зацепиться за ствол сломленного дерева и выползти на берег. Всё моё тело было покрыто порезами и ужасными ссадинами. Жуткий опыт.

Вот и теперь ужас холодил мою душу.

– Что вы лопочите? Нужно спастись немедленно!

– Успокойтесь, наконец, Ватсон! – рявкнул Холмс. – Вы слышали шум моего желудочного колика. Только и всего! Это он показался вам водяной лавиной.

Эхолот Холмса (Сэм) значительно усиливает звуки – в этом я имел удовольствие убедиться, – однако, поскольку "эхолотчик" (этот термин ввёл в обращение я – ваш покорный слуга) слушает одним ухом, то существует опасность перепутать направление.

– Подобное случается, – сказал Холмс, – когда источник звука находится точно у вас за спиной. Вы слышите шум, и вам кажется, что он впереди. Казус в расстояниях возникает от разницы в давлении в слуховых камерах...

"Старая кочерыжка! – промелькнула в моей голове желчная мысль. – Я чуть не окошел от страха! Казус!.. Давление в камерах!.. Балда!"

– Я старался не шуметь, – продолжал Холмс, – стоял, замерев, и даже задержал дыхание.

– Зачем?

– Чтобы не мешать вашему эхосканированию, – Холмс всплеснул руками: "Как будто это неочевидно!" – Потом произошло вот это... эта колика. Вероятно утренние гренки были недостаточно прожарены. Или паштет вошел в пике в моём желудке.

Я опять подумал о Холмсе в самых негативных красках и сделал предположение, что это утренняя порция скотча оказалась великовата.

– Или бутылочка бренди прокисла?

Мои слова – изрядно сдобренные сарказмом – были восприняты Холмсом оптимистически. Сыщик допустил, что

бренди мог быть нехорош и предложил вдвоём это проверить:

– Одному Богу известно, что с ним происходит за дюжину лет. Взаперти. В тёмном погребе. Такое испытание не каждому напитку по плечу.

Я охотно согласился, что такой затворнический образ "жизни" негативно сказывается на характере: "Особенно, если дюбнуть лишку!"

– Именно! – подтвердил Холмс. – Однако прежде чем мы приступим к дегустации, позвольте предложить вам вот эту штучку!

Холмс распахнул створки шкафа, и на свет божий появилась длинная коробка-архив разделённая на многочисленные ячейки. Каждая ячейка была промаркирована: на бу-мажном "хвостике" рукою Холмса были отмечены дата и время.

Архив содержал восковые пластинки.

– Послушайте, дорогой коллега, какие звуки мне удалось записать сегодня ночью.

– Ночью?

– Ночью, Ватсон, ночью. Ночью я перевожу эхолот на боевое дежурство. Он записывает звуки на восковую пластинку, а утром я расшифровываю данные.

"Боже мой!.." – Я несколько растерялся, и подумал, что Холмс перегибает палку.

"Ну и что? – возразил сам себе. – Мы все немножечко ку-

ку".

Успокоив себя подобным умозаклчением, я всё же спросил у Холмса, чего он добивается своими ночными "пассажами" над Ричмондом?

– Берите шире, – с гордостью ответил Холмс. – Над всем западным Лондоном!

– И всё же, – настаивал я, – какова цель ночных прослушиваний?

– Полный контроль над преступным и околопреступным миром западного Лондона, – ответил великий сыщик не без бахвальства.

"О как! Ни больше, ни меньше!"

– Теперь я могу, не выходя из дома, – прибавил Холмс, – ежечасно следить за всем происходящим.

Мы перешли в гостиную, Холмс опустился в кресло, по привычке, вытянув ноги к камину (хотя дров не зажигали).

Сыщику хотелось поговорить, ему нужен был слушатель, и я не возражал им стать.

– Это ли не удивительно? – вещал старик. – Ни об этом ли мы с вами мечтали, Ватсон, скитаясь по болотам Баскервиль холла? Ни это ли нам было нужно в доках? В портовых трущобах? Только представьте, сколько времени и сил мы сэкономили бы, будь подобный прибор в нашем распоряжении во времена нашей молодости!

Монолог незаметно превратился в диалог, мы вспоминали дела давно минувших дней, преданья старины глубокой (как

написал один русский поэт... неплохо, к слову, написал).

С ностальгией в голосе я заметил, что это были дивные денёчки! А потом почувствовал – трудно сказать почему, – что разговоры о прошлом возбуждали мой аппетит.

Дабы натолкнуть Холмса на схожие мысли, я спросил, не ждёт ли он кого-нибудь к обеду?

– Насколько я помню... – Холмс задумался. – Ни одной живой души.

– Будем надеяться, что мёртвые души тоже не появятся.

Мы перешли к обсуждению напитков. Холмс полагал, что в это время года ещё уместно согреть себя скотчем, я предлагал следовать в ногу со временем – "Всё же весна!" – и обратиться к хересу.

– Хм... сложный вопрос... – протянул сыщик. – Прежде чем мы сделаем выбор, послушайте звуки ночного преступления на Мансфилд роуд. Оно вас заинтересует! Я убеждён!

Несносный старик, он заставил-таки меня выслушать эту какофонию!

А что мне оставалось делать? На кону стоял обед! Не мог же я пожертвовать собственным желудком? Пришлось отдать на растерзание уши.

Холмс раскрутил фонограф, на диск уложил пластину с записью, опустил иглу. При этом имел такой торжественный вид, что... я даже затрудняюсь с чем это можно сравнить. Он был жрецом, которому доверили бальзамировать фараона.

На этот раз я слушал придиричиво, не давая воли фанта-

зии, стараясь отделить "зёрна от плевел" и каждому звуку стремясь определить обычное "бытовое" значение.

Получалось это с трудом.

Проще иного было отличить храп мужчины (он схож с храпом лошади) от других звуков. Икота и чихание также легко определялась у обоих полов (надеюсь, вы понимаете почему). Треск камина (кто-то ещё разводил огонь) легко идентифицировался... по привычке. Вот, пожалуй, и всё.

Более поздние ночные звуки не отличались разнообразием и воспринимались, как монолитный унылый гомон.

Иногда Холмс восклицал: "Вы слышали это, Ватсон? Голос женщины!" Я отвечал (как можно более холодно): "Не возражаю. Но что с того? Ей приснился кошмар".

Холмс был уверен, что женщину режут, я отвечал, что так скрипит заржавленная калитка. Холмс слышал голоса бандитов, мне эти звуки казались криком ночной птицы. Вопль умирающего я принимал за завывание ветра, звуки бешеной погони представлялись обычным дребезжанием последнего поезда "Ливерпуль-Лондон".

После прослушивания я (твёрдым и решительным тоном) предложил перейти в столовую и открыть обсуждение там:

– Во-первых, этого требует мой желудок, а во-вторых, едва ли мы найдём в вашей записи предмет для обширного обсуждения.

Холмс подчинился, и мы сменили дислокацию.

Прежде чем продолжить свой рассказ, должен отметить, что миссис Даунстайр – замечательная стряпуха. Я не знаю подробностей её "кулинарного образования", однако результаты она демонстрирует поистине потрясающие. Уж поверьте моим вкусовым рецепторам.

– Ваше мнение, доктор? – осведомился Холмс, когда холодные закуски покинули тарелки и переместились в наши желудки.

Я ответил, что это бесподобно:

– Миссис Даунстайр восхитительно умеет приготовить перепелиные яйца. Полагаю, она добавляет бадьян... – я пошевелил в воздухе пальцами, будто перебирая денежные купюры. – Или нечто подобное. Хм... это завораживает. В нашем возрасте, Холмс, чрезвычайно полезно употреблять...

– Что вы скажете об изнасиловании? – перебил Холмс. – Оно произошло прошлой ночью.

Признаться, я несколько опешил.

Да что там врать, я опешил изрядно. И даже струхнул. Немного.

– Ах, вот оно что... Хм... Хм... Так это было оно?.. – промычал я в задумчивости. Рука машинально потянулась к основному блюду, пришлось её одёрнуть. – Я не признал его, так сразу, Холмс. Принял за одышку сторожа в публичной библиотеке. Быть может...

– Не может! – вспыхнул Холмс и хлопнул салфеткой об

стол. – Это слышится явственно, как божий день! На Мансфилд роуд было совершено изнасилование. К сожалению, я не могу доподлинно назвать номер дома: четырнадцатый, пятнадцатый или шестнадцатый. Ночью было ветрено, и звуковые волны хаотично отклонялись. Но факт остается фактом.

– Н-да-с! Фак остаётся фактом. – Я задумался, пытаюсь мысленно представить указанные сыщиком дома. Это мне удалось.

"Холмс ошибся!" – понял я, и основное блюдо вновь захватило моё внимание.

– Могу вас успокоить, Холмс, – произнёс беспечно. (На тарелке, сокрытый под зеленью и пряностями, был обнаружен дивный, слабoproжаренный стейк.) – Ваше предположение лишено под собой всякой почвы. Выводы ошибочны. Со своей стороны, советую выбросить из головы эту чепуху, и обратить внимание на эту молодую баранину. Она бесподобна. А пока вы будете наслаждаться стейком, я докажу абсурдность вашего предположения.

Дабы оторваться от мяса мне пришлось сделать над собой усилие, однако возможность щелкнуть (приятельски) по носу великого сыщика тоже дорогого стоит.

– Как вы помните, я имел в этом районе обширную практику, и неплохо знаю тамошних обитателей. Из всех мужских персон, в обозначенных вами домах, только Нил Пикок достиг половой зрелости. Более того, он эту зрелость оставил

далеко позади себя. Если так можно выразиться.

– Что это значит?

– Очень просто. Женщины его более не интересуют.

– Это вопрос второй! – огрызнулся Холмс.

– А первый? – уточнил я.

– Первый вопрос: способен Пикок физически или не способен?

– Хм... – Я покачал головой и подумал, что Холмс чертовски умеет перевернуть всё с ног на голову.

Сказать "нет, не способен", означало поставить крест на мужских качествах Нила Пикока. Мне бы этого не хотелось. Пикок англичанин и джентльмен, а посему имеет права.

Ответив "да" я делал его единственным подозреваемым. И автоматически подставлял под "прицельный огонь" великого сыщика и его слухового аппарата по имени Сэм.

– Мне сложно судить о его физических кондициях, – уклончиво ответил я. – Мы недостаточно близко знакомы. Лет двадцать назад я делал кровопускание его жене, пару раз промывал желудок самому Нилу... насколько я помню. Или эта неприятность случилась с его собакой?..

– Отставьте ненужные подробности, – попросил Холмс. – Плевать на болезни его пса!

– Вы правы, Холмс, – я успел погрузить в рот кусочек стейка, – эти подробности малоинформативны. Тем паче, что супруга Пикока давно уже стоит в могиле...

– Обеими ногами? – осведомился Холмс.

Я кивнул, и мы дружно рассмеялись. Годы совместной работы превратили нас в спаянную команду. В большинстве случаев мы понимаем друг друга с полуслова.

– Собственно говоря, – продолжил я, – наше с Пикоком знакомство ограничивается приветствием в моменты редких встреч.

Холмс хохотнул и заявил, что это практически стальное алиби: "Человек, приподнимающий шляпу при встрече с Ватсоном, не может быть преступником!"

– Не торопитесь иронизировать, дорогой Холмс, послушайте, что я вам дальше расскажу. Вчера днём я устроил себе маленький эмьюземент (amusement – развлечение, ан.). Решил поразвлечься, проветриться. – Я взмахнул рукой, как бы намекая, что ничто человеческое мне не чуждо, несмотря на возраст. – И отправился на скачки.

– Были на ипподроме?

– Именно. На ипподроме близ Виндзора.

– Похвально, мой друг. Общение с лошадьми делает нас... – Холмс задумался, подбирая прилагательное. – Возвышеннее.

– Это если взобраться на лошадь, – заметил я, но развивать эту тему не стал, вернулся к делу: – Там я встретил Нила Пикока.

– Интересное совпадение. Что он там делал? Соревновался?

– Прежде всего, был изрядно навеселе.

– Проиграл? – насторожился сыщик.

– Выиграл четыре фунта! – не без гордости ответил я. – Мне этого результата удалось достичь тремя удачными ставками. В третьем, пятом и шестом заездах...

– Так это вы, выиграли? Ватсон?

– Естественно! – ответил я. – не Пикок же! Что касается Нила... не думаю, что он вообще-то играл. К шестому заезду он едва держался на ногах. У него не приняли бы ставку.

Холмс изрёк многозначительное "Гм-гм!" и мы обратились к трапезе. Последующие несколько минут только звяканье вилок, мелодия льющегося в бокалы хереса (мы сошлись на этом напитке) и наше блаженное мычание нарушали тишину в столовой.

– Но, разрази меня гром! – Неожиданно взметнулся Холмс. – Тогда я решительно не понимаю природы этих чмокающе-чавкающих звуков! Кто и каким образом мог их издавать? Ума не приложу!

Он был в растерянности. Чтобы успокоить великого сыщика, я предположил гипотезу, что это шумел ветер. Ночью было ветрено.

– Нет, нет, и ещё раз нет! – ответил Холмс. – Совершенно иные тоны, частоты и реверберации! Всякие неодушевлённые шумы я легко идентифицирую. – Холмс волновался. – Я даже составил каталог шумов. В нём двенадцать тысяч позиций.

Я покачал головой и (не к месту) подумал, что в "Ка-

ма-сутре" позиций значительно меньше.

– Совершенно преступление! – Холмс решительно возложил ладонь на стол (этот жест мне хорошо знаком, я называю его "припечатать"). – И мы должны его раскрыть!

Случилось худшее из всех возможных вариантов. Шерлок Холмс убедил себя, что закон был попран, а потому старой ищейке не терпелось взять след. Он скулил и колотил хвостом по паркету, взвизгивал, словом умолял хозяина пустить его в погоню... Образно говоря.

Я подцепил вилкой оливку, отправил её в рот, Холмс решительно поднялся из-за стола.

Он заявил, что мы немедленно едем на Мансфилд роуд. Я вяло возразил, зачем? Холмс ответил, что необходимо произвести осмотр места преступления.

Мне пришлось встать со стула. Взглядом полным сожаления я посмотрел на бокал и тарелку (так полководец осматривает поле проигранного боя). Оба предмета сервировки были ещё наполовину полны. "Очевидно я оптимист" – подумал, не без сожаления.

Оставался ещё маленький шанс затянуть процедуру: я предложил прослушать подозрительную запись ещё раз. "Послушаем, обсудим, – надеялся я. – Потом вернёмся в столовую и покончим со стейком. Нужно попросить миссис Даунстайр не убирать со стола".

Однако Холмс решительно разрушил мои "воздушные

замки", он повторил, что ехать нужно немедленно – минуты дороги.

Сыщик уже пылал новым делом.

– Ватсон! я дам вам парик, очки и бороду!

– Зачем? – опешил я.

– Для конспирации! – ответил Холмс.

За своё согласие участвовать в "этом дурацком маскараде" я истребовал право вести машину. Для чего мне это было нужно? Чтобы с удовольствием прокатиться по городу – это в первую очередь. А во вторую, мне не хотелось опасаться за свою жизнь и за жизни окружающих – Холмс за рулём горяч и прыток.

Погода испортилась. Задождило. Я ехал медленно, аккуратно объезжая лужи. Размышлял о превратностях судьбы: "Несколько минут назад мы сидели в тепле, пили херес... вовсе неплохой (справедливо отметить) херес. Ели замечательное мясо, вели беседу... А вот теперь движемся в "неизвестном" направлении... взбудораженные, нервные, налепив на себя бороды и парики. Зачем это всё? Какая чудовищная сила двинула нас в этом направлении? Воля рока? Судьба?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.